

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2025, Том 13, № 4 / 2025, Vol. 13, Iss. 4 <https://mir-nauki.com/issue-4-2025.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/60PSMN425.pdf>

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Куприянчук, Е. В. Особенности девиантной активности современных подростков: сравнительный контекст / Е. В. Куприянчук, М. В. Ладухина, О. В. Скорикова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/60PSMN425.pdf>.

For citation:

Kupriyanchuk E.V., Ladukhina M.V., Skorikova O.V. Features of deviant activity of modern adolescents: a comparative context. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(4): 60PSMN425. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/60PSMN425.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 504.75.05; 159.9.072

Куприянчук Елена Викторовна

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Доцент

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: elena-kupr@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=782040

Ладухина Мария Валерьевна

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия

Доцент

Кандидат культурологии

E-mail: laduhina_maria@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=668090

Скорикова Ольга Викторовна

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия

Доцент

Кандидат психологических наук

E-mail: olgaolga87@bk.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=831210

Особенности девиантной активности современных подростков: сравнительный контекст

Аннотация. Авторами представлено исследование взаимосвязи девиантного поведения подростков с их «Я-концепцией» в реальной и виртуальной среде. В статье анализируются данные, полученные на выборке из 80 школьников (15–17 лет). Использовался следующий диагностический инструментарий: «Методика диагностики девиантной активности в реальной и виртуальной среде» (А.А. Шаров); Тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд); Тест Т. Лири; Шкала «Я-концепции» для детей (Е. Пирс, Д. Харрис); Тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Исследование вносит вклад в понимание роли «Я-концепции» в формировании девиантного поведения и подчеркивает гендерные различия в его проявлениях. Результаты показывают, что подростки мужского пола отличаются большей выраженностью девиантной активности как в реальной, так и в виртуальной среде. У подростков мужского пола с такими показателями «Я — концепции» как, агрессивность, низкий альтруизм, общее негативное самооотношение, низкое самоуважение, слабая уверенность в себе, негативная

оценка собственной сферы общения и ситуации в школе связана и реальная, и виртуальная девиантная активность. У подростков женского пола — преимущественно виртуальная девиантная активность. При этом активность в виртуальной среде у подростков мужского и женского пола оказывается примерно на одном уровне. Авторы делают вывод о смещении фокуса девиантной активности подростков в виртуальную среду, что связывается с ощущением безнаказанности. Показано, что подростки обеих групп имеют достаточное представление о собственном «Я образе» и его проявлениях в значимых жизненных сферах.

Ключевые слова: девиантное поведение; аддиктивное поведение; нехимические аддикции; интернет зависимое поведение; самоотношение; эмоциональное состояние; личностные особенности

Введение

На современном техногенном этапе развития нашего общества значительно усиливаются противоречия, свойственные подростковому возрасту, приводя к различным отклонениям в поведении, которые претерпевают трансформацию, изменяя свой репертуар из-за переноса девиантной активности в виртуальное пространство. Виртуальная среда становится полноправной ареной для социализации, формирования идентичности и проявления поведенческих паттернов. В этих условиях традиционные для подросткового возраста противоречия и склонность к девиантному поведению находят новые формы выражения, переносясь в цифровое пространство. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления специфических предикторов и коррелятов девиантного поведения в новой цифровой реальности, с учетом гендерных различий в структуре «Я-концепции» и механизмах психологической компенсации.

Теоретико-методологической базой стали исследования отечественных и зарубежных психологов: Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, А.Е. Личко, Д.И. Фельдштейна, З. Фрейда, З. Холла, К. Хорни, Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Э. Эриксона; исследования отечественных практиков: М.П. Королевой, Д.А. Рожней, в том числе Саратовского университета: А.А. Шарова [1–3].

Фундаментальный вклад в понимание развития девиаций внесли представители отечественной психологической школы. Л.С. Выготский в рамках культурно-исторической теории раскрыл социальную природу высших психических функций и значение социальной ситуации развития для формирования личности подростка. А.Н. Леонтьев в теории деятельности показал, что деятельность является основным фактором формирования сознания личности. Д.Б. Эльконин, развивая идеи Выготского и Леонтьева, разработал периодизацию психического развития, где подростковый возраст рассматривается как этап интенсивного развития мотивационно-потребностной сферы. Именно Д.Б. Эльконин определил чувство взрослости, психологический симптом начала подросткового возраста, как новообразование сознания, через призму которого подросток сравнивает себя с другими, строит отношения, изменяет деятельность. Д.И. Фельдштейн установил три стадии процесса социального развития подростка:

- На первой стадии ранее накопленные смысловые нагрузки дают развитие деятельности.
- Вторая стадия характеризуется максимальным развитием ведущего типа деятельности.
- Третья стадия дает насыщение ведущему типу деятельности при невозможности дальнейшей реализации его потенций, что ведет к актуализации другой стороны деятельности.

По мере взросления у подростка изменяется характер, восприятие общества и иерархия общественных связей. Подросток ищет себя в обществе и через общество, и таким образом происходит личностное самоопределение. Исследования Д.И. Фельдштейна показали, что социальное взросление подростка опережает интеллектуальное развитие. Значимый вклад в изучение именно девиантных форм поведения внес А.Е. Личко, разработавший типологию акцентуаций характера в подростковом возрасте и показавший их связь с различными формами поведенческих девиаций. Его концепция о «месте наименьшего сопротивления» для каждого типа акцентуации помогает понять избирательную уязвимость подростков с определенными личностными особенностями к различным видам девиантной активности в сети.

Представители зарубежных психологических школ также предложили ряд теорий, имеющих непосредственное отношение к проблеме исследования. Классический психоанализ З. Фрейда с концепцией структуры личности (Ид, Эго, Супер-Эго) и механизмов психологической защиты дает объяснения внутренних конфликтов, лежащих в основе девиантного поведения. К. Хорни, отошедшая от классического психоанализа, разработала теорию базальной тревоги и невротических потребностей, которая позволяет понять компенсаторный характер многих форм девиантной активности как в реальной, так и в виртуальной среде. Теория привязанности Дж. Боулби и последующие исследования М. Эйнсворт показали, что качество ранних детско-родительских отношений является важным фактором, влияющим на формирование моделей межличностных отношений на протяжении всей жизни, включая склонность к девиациям. Э. Эриксон в своей эпигенетической теории развития раскрыл содержание кризиса идентичности в подростковом возрасте. Его концепция «диффузии идентичности» непосредственно связана с поиском себя через различные, в том числе и девиантные, формы поведения, что особенно актуально в контексте анонимности и множественности идентичностей в виртуальном пространстве.

Среди современных отечественных исследователей следует выделить работы А.А. Шарова, который непосредственно изучает феномен девиантной активности в виртуальной среде. Его методика, использованная в данном исследовании, позволяет дифференцировать различные формы отклоняющегося поведения онлайн и офлайн. А.А. Шаров фиксирует устойчивую тенденцию к смещению девиантной активности молодежи из реального пространства в виртуальное [4–6]. Исследования М.П. Королёвой, Д.А. Рожней посвящены проблеме самоотношения у подростков с девиантным поведением. Однако эти авторы не рассматривают специфику проявлений девиаций в зависимости от пола подростков, а также не анализируют дифференцированно сферы проявления девиантного поведения (реальная vs. виртуальная).

Целью явилось изучение взаимосвязи девиантной активности в реальной и виртуальной среде с показателями «Я-концепции» подростков в сравнительном контексте: у мальчиков и девочек.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ уровня и направленности девиантной активности в реальной и виртуальной среде у подростков мужского и женского пола.
2. Выявить и сравнить особенности структуры «Я-концепции» у подростков разного пола.
3. Исследовать специфику взаимосвязей между показателями девиантной активности и компонентами «Я-концепции» в группах мальчиков и девочек.
4. Определить, какие именно характеристики самоотношения и самооценки являются предикторами девиантного поведения в разных средах для каждой половой группы.

Методы и материалы

Выборка исследования. Исследование было выполнено на выборке учащихся школ г. Саратова в количестве 80 человек ($n = 80$), из них 40 мальчиков и 40 девочек в возрасте 15–17 лет.

Диагностический инструментарий. Для сбора эмпирических данных был использован следующий комплекс методик:

1. «Методика диагностики девиантной активности в реальной и виртуальной среде» (А. А. Шаров).
2. Тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) для диагностики различных аспектов идентичности.
3. Тест Т. Лири для диагностики межличностных отношений и выраженности личностных качеств (агрессивность, альтруизм, подозрительность и др.).
4. Шкала «Я-концепции» для детей (Е. Пирс, Д. Харрис) для оценки самооценки в различных сферах.
5. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) для изучения общего самоотношения, самоуважения, аутосимпатии и других компонентов.

Методы обработки данных: анализ описательных статистик — распределений и средних; Критерий Манна-Уитни для выявления различий в двух группах; Коэффициент корреляции Спирмена для изучения значимых взаимосвязей [4–9].

Результаты и их обсуждение

В рамках исследования были получены средние данные о показателях девиантной активности у девочек и мальчиков в реальной и виртуальной сферах. У представителей обеих поло ролевых групп диагностировалось преобладание девиаций в виртуальной среде (3,0 над 2,3 и 3,4 над 2,9 соответственно). Однако при этом, девиантная активность в реальной среде у мальчиков имеет весьма значительные показатели (2,9). Причем как у девочек, так и у мальчиков преобладает вектор девиаций, направленный во вне, нежели внутрь. Аутоагрессивная активность в реальной и виртуальной средах фиксируется на уровнях 2,3 и 2,1 соответственно. Анализ результатов, представленных в таблице 1, фиксирует значимые различия только по реальной девиантной активности у подростков девочек и мальчиков.

Таблица 1

Сравнительный анализ у подростков разного пола показателей девиантной активности в виртуальной и реальной среде

Показатели девиантной активности	Подростки женского пола	Подростки мужского пола	Критерий Манна-Уитни	Значимость
Реальная девиантная активность	64,1	72,2	566,5	0,025*
Виртуальная девиантная активность	58,7	60,4	719,5	0,483

* — $p < 0,05$. Составлено/разработано авторами

Таким образом, фокус внимания подростков смещается на виртуальную среду, что может объясняться большим чувством безопасности в интернете, а также формированием ощущения безнаказанности за девиантную активность виртуального типа [4–6].

Далее проанализируем данные о выраженности показателей «Я-концепции» подростков мужского и женского пола. В группе подростков женского пола более всего выражены средние показатели дружелюбия (7,0) и альтруизма (6,6). Это фиксирует, что девочки оценивают себя как склонных к проявлению искренности, дружелюбия и направленности на помощь другим людям в межличностных отношениях. По показателю дружелюбия в обеих выборках были обнаружены статистически значимые различия на уровне ($p = 0,018$).

В группе подростков мужского пола на первый план выходят показатели агрессивности (6,4) и подозрительности (6,4). Это фиксирует, что подростки мужского пола в структуре представлений о себе отводят ведущую роль таким качествам, как прямолинейность, упорство, недоверие к окружающим, склонность к критицизму и подозрительности.

Менее всего в обеих группах выражены качества подчиняемости (5,1 и 4,8) соответственно и зависимости (4,8 и 4,6). Это фиксирует, что у подростков, представителей обеих полов ролевых групп, недостаточно развиты такие личностные качества, как уступчивость, чрезмерная зависимость, склонность к чувству вины и конформности.

Далее рассмотрим результаты диагностики «Я-концепции» по методике М. Куна, Т. Макпартленда у подростков мужского и женского пола. В группе подростков женского пола на первый план выходят Физическое-Я (3,3) и Коммуникативное-Я (3,0), в то время как Деятельное-Я (2,4) и Перспективное-Я (2,4) выражены менее всего. Это фиксирует, что девочки склонны оценивать себя сквозь призму собственных внешних характеристик и особенностей социальных отношений, а не собственной деятельности и перспектив на будущее.

В группе подростков мужского пола на первый план выходит показатель Коммуникативного-Я (3,7), в то время как Физическое-Я (2,5) и Деятельное-Я (2,5) недостаточного уровня. Статистически значимые различия по показателю именно Физического — Я были у обеих полов ролевых групп на уровне ($p = 0,026$). Это фиксирует, что подростки мужского пола оценивают себя, преимущественно, через социальные отношения с ближайшим окружением, роли друга и члена определенной группы, тогда как представления о собственной внешности и проявлении себя в деятельности выражены в рамках «Я-концепции» менее всего.

Далее было проведено изучение взаимосвязей между показателями девиантной активности, и «Я-концепции» у подростков разного пола.

У девушек выявлена положительная связь показателя антисоциальной и агрессивно-асоциальной виртуальной активности с личностной агрессивностью ($r = 0,497$; $r = 0,549$; $p \leq 0,05$) и отрицательная связь с дружелюбием ($r = -0,473$; $p \leq 0,05$). Очевидно, что агрессивность в целом является чертой, располагающей к девиантной активности, в то время как дружелюбие её сдерживает. При выраженности агрессивности девочки склонны не к реальной активности, а к виртуальной. Т. к. она позволяет им выплеснуть негативные эмоции в более безопасной среде, не боясь оценки или ответной реакции.

Взаимосвязи показателей девиантной активности и «Я-концепции» (методика М. Куна и Т. Макпартленда) в группе подростков девочек показали, что выраженность антисоциальной и асоциальной реальной активности отрицательно коррелирует с «рефлексивным-Я» ($r = -0,468$; $p \leq 0,05$). Очевидно, что развитая рефлексия является чертой, которая позволяет девочкам лучше соотносить свое поведение с социальными нормами в реальном пространстве.

Показатель антисоциальной и агрессивно-асоциальной виртуальной активности отрицательно связан с «коммуникативным-Я» ($r = -0,503$; $p \leq 0,05$); также с «коммуникативным-Я» обнаруживают связи аутодеструктивная виртуальная активность ($r = -0,528$; $p \leq 0,05$); и виртуальная активность в целом ($r = -0,536$; $p \leq 0,05$). Также при анализе взаимосвязи показателей девиантной активности и «Я-концепции» (методика Е. Пирса, Д. Харриса) в

группе девочек мы видим, что показатель антисоциальной и агрессивно-асоциальной виртуальной активности отрицательно связан с самооценкой собственной сферы общения ($r = -0,464$; $p \leq 0,05$), а также с ней связаны аутодеструктивная виртуальная активность ($r = -0,469$; $p \leq 0,05$) и виртуальная активность в целом ($r = -0,495$; $p \leq 0,05$). Анализ фиксирует, что при высоком уровне выраженности виртуальной девиантной активности девочки негативно оценивают собственные коммуникативные характеристики. Вероятно, это может объясняться тем, что при высокой оценке коммуникативных характеристик девочки ориентированы на реальное общение и имеют высокий уровень социально-психологической адаптации, в то время как при негативной оценке своей сферы общения они стремятся компенсировать дефицит через девиантную виртуальную активность.

В целом о сходных особенностях говорит наличие отрицательных связей аутодеструктивной виртуальной активности с уверенностью в себе ($r = -0,518$; $p \leq 0,05$) и общим самоотношением ($r = -0,476$; $p \leq 0,05$), которые отражают тенденции к саморазрушающей виртуальной активности при неуверенности в себе и негативном самоотношении. Вероятно, такие подростки страдают от непринятия сверстниками, что приводит к чувству вины и повышает склонность к аутодеструктивному поведению, при этом доступность виртуальной среды создает возможность для его реализации.

Взаимосвязи показателей девиантной активности и самоотношения в группе подростков девочек показывает, что антисоциальная и агрессивно-асоциальная виртуальная активность отрицательно связана с общим уровнем самоотношения ($r = -0,460$; $p \leq 0,05$), самоуважением, ($r = -0,474$; $p \leq 0,05$), самоуверенностью ($r = -0,510$; $p \leq 0,05$). Это может быть связано с тем, что девочки стремятся компенсировать дефицит позитивного самоотношения к себе через агрессивную активность в виртуальном пространстве, где они могут утвердить свое «Я» в безопасных условиях.

Далее рассмотрим связи, выявленные в группе подростков мальчиков. Количественно таких связей у мальчиков больше. Показатель агрессивности положительно коррелирует с антисоциальной и асоциальной девиантной активностью в реальной среде ($r = 0,521$; $p \leq 0,05$), с аутодеструктивной реальной активностью ($r = 0,493$; $p \leq 0,05$), с антисоциальной виртуальной активностью ($r = 0,487$; $p \leq 0,05$) и с реальной активностью в целом ($r = 0,505$; $p \leq 0,05$). Очевидно, что высокая агрессивность у мальчиков сочетается с ростом тенденций к девиантному поведению в реальной среде и к аутодеструктивному поведению в виртуальной среде. Показательна отрицательная связь антисоциальной и асоциальной девиантной виртуальной активности с альтруизмом ($r = -0,468$; $p \leq 0,05$). Очевидно, что при высокой выраженности антисоциальной и агрессивно-асоциальной виртуальной девиантной активности подростки мужского пола обнаруживают низкую способность к сопереживанию и взаимопомощи в межличностных отношениях. Анализ взаимосвязи показателей девиантной активности и Я-концепции (методика М. Куна и Т. Макпартленда) в группе подростков мужского пола, показал, что здесь выявлена только одна связь, а именно: показатель антисоциальной и асоциальной реальной активности отрицательно коррелирует с рефлексивным-Я ($r = -0,501$; $p \leq 0,05$). При склонности к антисоциальной активности в реальном пространстве подростки мальчики не воспринимают себя сквозь призму собственных личностных характеристик и особенностей поведения. Вероятно, это связано с тем, что рефлексия способствует развитию понимания нравственных ориентаций, а также позволяет более эффективно соотносить свое поведение с требованиями общества даже в случае негативного влияния неблагоприятной подростковой среды.

Анализ взаимосвязи показателей девиантной активности и Я-концепции (методика Е. Пирса, Д. Харриса) показывает, что в группе подростков мужского пола показатель антисоциальной и асоциальной реальной активности отрицательно связан с самооценкой

ситуации в школе ($r = -0,498$; $p \leq 0,05$), собственной сферы общения ($r = -0,450$; $p \leq 0,05$), уверенности в себе ($r = -0,473$; $p \leq 0,05$) и общего самоотношения ($r = -0,498$; $p \leq 0,05$). Очевидно, что при высоком уровне выраженности реальной антисоциальной девиантной активности мальчики негативно оценивают собственную ситуацию в школе, сферу общения, уровень уверенности в себе, и в целом отличаются негативным самоотношением. Это может объясняться тем, что подростки мужского пола через девиантную активность в реальной среде стремятся компенсировать свою неудовлетворенность собой, в частности — собственными социальными навыками, ситуацией в школе и уверенностью в себе. Девиантное агрессивное поведение для них может быть способом завоевать уважение и принятие сверстниками.

Так же выявлены связи аутодеструктивной реальной активности с самооценкой сферы общения ($r = -0,458$; $p \leq 0,05$), уверенности в себе ($r = -0,501$; $p \leq 0,05$) и общим самоотношением ($r = -0,512$; $p \leq 0,05$), что отражает тенденции к аутоагрессивной реальной активности при негативной оценке своей социальной сферы, неуверенности в себе и негативном самоотношении. Вероятно, на фоне непринятия сверстниками подростки мужского пола ощущают чувство собственной неполноценности, которое они пытаются преодолеть за счет саморазрушающего поведения. Тенденция к саморазрушению у мальчиков ярко выражена, это может проявляться как в традиционных формах поведения: наркомании, алкоголизме, табакокурении, так и в форме скрытого саморазрушения: бессмысленного или бесконечного листания ленты в соц. сетях, рискованного сексуального поведения, циклически повторяющихся токсичных отношений, прокрастинации, увлеченности пирсингом и тату. В целом показатель виртуальной активности отрицательно связан с самооценкой сферы общения ($r = -0,512$; $p \leq 0,05$), что говорит о направленности подростков на девиантную активность в виртуальном пространстве в случае негативной оценки сферы своих социальных отношений. Вероятно, компенсация неблагополучия в общении происходит как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

Исследование М.П. Королёвой показало, что мальчики с риском девиантного поведения склонны к негативному самоотношению, а у девочек чаще наблюдается недостаток рефлексии и критичности [7; 10]. Однако, в нашем исследовании развитое «рефлексивное-Я» связано со снижением склонности к девиантной активности как у мальчиков, так и у девочек. При этом, особенности самоотношения действительно обнаруживают больше связей с показателями девиантной активности в группе мальчиков, что может отражать их большую тенденцию к компенсации негативного отношения к себе через девиантную активность, в то время как девочки могут чаще пытаться утвердить свое «Я» более продуктивными способами.

Таким образом, анализ результатов фиксирует, что в обеих исследуемых группах негативные характеристики «Я-концепции», а именно — низкий альтруизм, высокая агрессивность, общее негативное самоотношение, низкое самоуважение и самопонимание, слабая уверенность в себе, негативная оценка собственной сферы общения и ситуации в школе связаны с повышением девиантной активности. При этом у девочек они связаны, преимущественно, с повышением виртуальной девиантной активности, в то время как у мальчиков — с повышением девиантной активности, как в реальном, так и в виртуальном пространствах. Очевидно, что девиантная активность девочек с негативным отношением к себе в современном мире переориентирована на виртуальное пространство, т. к. в нем они могут проявить свои деструктивные тенденции в более безопасной среде, чем в реальном пространстве.

Полученные результаты согласуются с данными современных исследований. Так, согласно Д.А. Рожней, в группе девиантных подростков на более низком уровне оказывается самопринятие, уверенность в себе, аутосимпатия и интерес к собственному «Я» [8]. Однако, автор не рассматривает специфику проявлений девиаций в зависимости от пола подростков, а

также не анализирует сферы проявления девиантного поведения. А.А. Шаров фиксирует смещение девиантной активности у молодежи из реального пространства в виртуальное [4–6]. Однако, автор не рассматривает смещение девиантной активности в виртуальность с особенностями «Я — концепции».

Итак, полученные результаты вносят вклад в формирование представлений об особенностях «Я-концепции» подростков как о возможном факторе развития девиантного поведения в реальной и виртуальной среде.

Заключение

Краткие выводы по заявленной проблематике могут быть сформулированы следующим образом:

В обеих группах подростков доминируют проявления виртуальной девиантной активности, направленной во вне.

Подростки мальчики отличаются большей выраженностью девиантной активности, в том числе аутоагрессивной направленности.

Подростки девочки считают себя дружелюбными и альтруистичными, у них доминируют такие показатели «Я-концепции», как «физическое-Я» и «коммуникативное-Я». Подростки мужского пола представляют себя агрессивными и подозрительными, более всего у них развито «коммуникативное-Я». В обеих группах подростков наблюдается достаточная сформированность представлений о собственном-Я и его проявлении в значимых жизненных сферах.

У подростков мужского пола с такими показателями «Я — концепции» как агрессивность, низкий альтруизм, общее негативное самоотношение, низкое самоуважение, слабая уверенность в себе, негативная оценка собственной сферы общения и ситуации в школе связана и реальная, и виртуальная девиантная активность. В то время как у подростков женского пола — преимущественно виртуальная девиантная активность. Фокус внимания подростков все больше смещается в виртуальную среду, что может объясняться формированием ощущения безнаказанности за девиантную активность виртуального типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. СПб: Питер, 2020 г. 304 с.
2. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. М. КоЛибри, 2023 г. 384 с.
3. Фельдштейн, Д.И. Психология развития человека как личности: в 2 т. / Д.И. Фельдштейн — М.: 2005. — 208 с.
4. Шаров, А.А. Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур / А.А. Шаров // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 3(169). С. 450–454.
5. Шаров, А.А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде / А.А. Шаров // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3(51). С. 255–261.

6. Шаров, А.А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную / А.А. Шаров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109.
7. Королева, М.П. Особенности самоотношения девочек и мальчиков подросткового возраста с риском девиантного поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки — 2018 — 1 — С. 121–131.
8. Рожней, Д.А. Особенности самоотношения и жизнестойкости у старших подростков с девиантным поведением // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса — 2018 — №2 — С. 159–166.
9. Шаров, А.А. Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде / А.А. Шаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 1. С. 30–37.
10. Колкова, С.М., Самоотношение подростков с делинквентным поведением. — М.: Психология обучения, 2015. — № 6. 42–49 с.

Kupriyanchuk Elena Viktorovna

Saratov National Research University N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
E-mail: elena-kupr@yandex.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=782040

Ladukhina Mariya Valerievna

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
E-mail: laduhina_maria@mail.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=668090

Skorikova Olga Viktorovna

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
E-mail: olgaolga87@bk.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=831210

Features of deviant activity of modern adolescents: a comparative context

Abstract. The authors present a study on the relationship between adolescent deviant behavior and their self-concept in real and virtual environments. The article analyzes data obtained from a sample of 80 schoolchildren aged 15 to 17 years old. The following diagnostic tools were used: «Method for Diagnosing Deviant Activity in Real and Virtual Environments» by A.A. Sharov; «Who Am I?» Test by M. Kuhn and T. McPartland; Leary's Interpersonal Adjective Checklist; Children's Self-Concept Scale by E. Pearce and D. Harris; Self-Attitude Questionnaire by V.V. Stolin and S.R. Pantelyev. This research contributes to understanding the role of self-concept in shaping deviant behavior and highlights gender differences in its manifestations. The results show that male adolescents exhibit higher levels of deviant activity both in real life and online. For male adolescents with characteristics such as aggression, low altruism, overall negative self-regard, low self-esteem, lack of confidence, negative evaluation of social interaction and school situation, there is an association with both real-life and virtual deviant activities. In female adolescents, predominantly virtual deviant activity was observed. However, the level of activity in the virtual environment among males and females appears similar. The authors conclude that there has been a shift towards focusing deviant behaviors into the virtual space due to perceived impunity. It is also shown that adolescents from both groups have adequate awareness about their own self-image and its manifestations in significant areas of life.

Keywords: deviant behavior; addictive behavior; non-chemical addictions; Internet addicted behavior; self-attitude; emotional state; personality traits